

УДК 34(091)
ББК 67.3

DOI 10.22394/1682-2358-2022-4-105-116

A.R. Aminov, advocate,
Law Office "Titan" of the Sverdlovsk
Region

LAW
AND CUSTOMARY
LAW OF APPANAGE
PEASANTS
IN THE RUSSIAN
EMPIRE

Evolution of relations between law and customary law, which was in force in the communities of appanage peasants (until 1797 – palace peasants), in the period of the 18th – first half of the 19th centuries is studied. The author concludes that as a result of a targeted state policy in the Russian Empire the relative autonomy of the customary law of the appanage peasantry was eliminated, positive law replaced the public (self-administrative) part of customary law, only ordinary civil law relations within the community remained outside the field of direct regulation by law.

Key words and word-combinations:
legislation, customary law, appanage peasants, peasant community, Russian Empire.

A.P. Аминос, адвокат Адвокатского
бюро Свердловской области «Титан»
(email: aminovanton6666@yandex.ru)

ЗАКОН И ОБЫЧНОЕ ПРАВО
УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. Исследуется эволюция отношений между законом и обычным правом, действовавшим в общинах удельных (до 1797 г. – дворцовых) крестьян, в период XVIII – первой половины XIX в. Делается вывод, что в результате целенаправленной государственной политики в Российской империи была ликвидирована относительная автономность обычного права удельного крестьянства, позитивное право заменило собой публичную (самоуправленческую) часть обычного права, вне поля прямого регулирования законом остались только обычные гражданско-правовые отношения внутри общины.

Ключевые слова и словосочетания: законодательство, обычное право, удельные крестьяне, крестьянская община, Российская империя.

Обычное право русского крестьянства, веками являвшееся основой его социальной и хозяйственной жизни, в дореволюционной и современной юридической науке преимущественно изучается во временных рамках второй половины XIX – начала XX в. Такое ограничение вызвано объективными причинами, главным образом практическим отсутствием в распоряжении

исследователей сколь-нибудь массовых и аутентичных источников, позволяющих изучать обычное право как собственно юридическое явление в предшествующие века российской истории. Обычно-правовые представления русского народа в основном сохранились в фольклорном материале, едва ли способном быть надежным источником юридического анализа. Актовый материал крестьянских сделок, использовавших обычно-правовые нормы, до сих пор изучен крайне фрагментарно в силу его рассредоточенности по множеству архивов и трудностей, возникающих при юридической интерпретации лексических понятий и выражений, использовавшихся русскими крестьянами не только московского времени, но и XVIII в.

Обычное право, будучи неписьменным правом, обнаруживается, фиксируется и подвергается анализу в процессе его применения. Закономерно, что изучение обычного права оказывается тесно связано с изучением крестьянской общины, в которой это право и действовало.

Однако еще дореволюционные правоведы обратили внимание на то, что, хотя поле действия обычного права было ограничено общинными границами, но это не значит, что оно находилось в полной изоляции от позитивного права. Сама сельская община функционировала в общеправовом пространстве Московского государства и Российской империи, являясь объектом целенаправленной государственной деятельности по использованию материальных и человеческих ресурсов. До 1861 г. государство официально не признавало обычное право крестьян как самостоятельное правовое явление. Вступая во взаимодействие с общиной в лице ее представителей (старост), например для обеспечения налоговых поступлений, государственная власть тем самым де-факто признавала обычное право, посредством которого староста был избран, и, следовательно, опосредованно вступала в неформальный контакт с обычно-правовыми нормами мирского самоуправления.

Такое понимание отношений позитивного права государства и обычного права крестьянской общины открывает возможность для исследования традиционных аграрных отношений и в более широком плане для определения места обычного права в общеправовой системе, по крайней мере применительно к полутора векам исторического существования Российской империи, предшествовавшим Крестьянской реформе 1861 г.

Крестьянское сословие, унаследованное Российской империей от Московского царства, имело неоднородный состав, упорядоченный только в ходе общей систематизации законодательства. В ст. 386 «Законов о состояниях» 1832 г. «сельские обыватели» были разделены на четыре главных разряда: «I. Водворенные на землях казенных.

II. Водворенные на землях удельных. III. Водворенные на землях владельческих. IV. Водворенные на собственных землях» [1, с. 121].

В исторической и историко-правовой историографии достаточно полно исследована история разрядов казенных и владельческих крестьян, их правового положения и особенностей государственной политики по отношению к ним. Аналогичные исследования удельного (дворцового до 1797 г.) крестьянства пока относительно редки, и в них вопрос об отношениях закона и обычного права почти не изучался.

Весьма актуальна задача установления с помощью анализа развития отношений между законом и обычным правом дворцовых (удельных) крестьян (XVIII — первая половина XIX в.) степени сохранения обычным правом данного крестьянского разряда относительной автономности от закона (в пределах общины), существовавшей в эпоху Московского царства.

Разряд государственного крестьянства, до 1797 г. законом определявшийся как «дворцовые крестьяне», оформился в Московском государстве в XVI—XVII вв. в основном за счет передачи в ведение царской администрации части черносошных земель.

Согласно первой ревизии 1722 г., численность дворцовых крестьян составляла 357 328 душ м. п., а пятой ревизии (1796 г.), предшествовавшей их преобразованию в удельных крестьян, — 471 307 душ м. п. [2, с. 20—22; 3, с. 10—13]. На протяжении первой половины XIX в. численность удельных крестьян колебалась в пределах 3,2—3,9% от общего крестьянского населения страны, составив накануне Великих реформ Александра II 1,75 млн чел. (в том числе более 816 тыс. душ м. п.) [4, с. 121].

В правовом отношении дворцовые крестьяне находились в промежуточном положении между категориями казенных и владельческих крестьян.

С одной стороны, проживание и земледельческий труд частных владельцев, которыми являлись царь и в целом царская фамилия, исполнение, по сути, личных повинностей сближали дворцовых крестьян с владельцескими крестьянами. С другой стороны, публично-правовой характер царской самодержавной власти сближал дворцовых крестьян с казенными крестьянами. Именно поэтому в зависимости от конкретных решений, принимавшихся государственной властью, в правовом положении дворцовых крестьян могла усиливаться та или иная их сторона.

Петр I унаследовал от своих предшественников исторически сложившуюся систему аграрных отношений, в которой дворцовые крестьяне платили подворную денежную подать, поступавшую непосредственно в царскую казну, и исполняли многочисленные натуральные повинности

и барщину. Размеры натуральных и денежных податей определялись царской администрацией, но их непосредственная раскладка по крестьянским дворам предоставлялась самой общине. Во главе общины стоял выборный сельский староста, который либо сам отвечал перед администрацией (приказчиками, управлявшими дворцовыми селениями) за сбор налогов, либо сбор проводили приказчики, но с участием старост [2, с. 17].

Таким образом, в традиционной системе аграрных отношений закон в лице самодержавия де-факто признавал обычное право, действовавшее внутри общин дворцовых крестьян, но не вмешивался во внутреннее устройство и функционирование сельских общин. В своих внутренних делах община дворцовых крестьян обладала правовой автономностью, но с одним исключением: решение спорных дел, возникавших между самими крестьянами, были возложены на приказчиков, то есть были изъяты из общинного ведения [3, с. 7]. Следовательно, такую автономность следует определить как относительную. Но данная относительность охватывала, если пользоваться общепринятой юридической терминологией, как публичную часть обычного права (мирское самоуправление), так и частноправовую его часть (гражданско-правовые отношения — земельные, наследственные, семейные, обязательственные).

Ни Петр I, ни его ближайшие преемники каких-либо заметных изменений в эту систему не внесли, поскольку она, как и прежде, выполняла заложенные в нее функции. Даже главная финансовая реформа Петра I — введение подушной подати — не сопровождалась изменениями в порядке выполнения дворцовыми крестьянами податной обязанности, произошло лишь увеличение общего размера крестьянских платежей. Согласно сенатскому Указу от 7 июня 1725 г., подушные деньги в дворцовых волостях было велено «сбирать, верстая по тяглам и по пожиткам», взыскивая не с самих крестьян, а с «управителей, приказчиков и старост» [5, с. 500—501]. Сохранилось и ограничение судебных функций крестьянской общины. Например, в сенатском указе от 11 февраля 1725 г. предписывалось, что «дворцовым крестьянам судом между себя и кто на них будет бить челом, кроме татиных и разбойных и убийственных дел, ведомым быть в главной Дворцовой канцелярии» [5, с. 418]. В другом указе, от 26 мая 1732 г., Сенат определил, что суды дворцовых крестьян между собой должны проходить в дворцовой канцелярии, а с посторонними людьми и в уголовных делах — у губернаторов и воевод [6, с. 826—828]. По оценке выдающегося русского историка В.И. Семевского, «для дворцовых крестьян дворцовая канцелярия стала с 1725 г. высшею судебною инстанциею по гражданским делам между ними самими» [3, с. 94].

В таком состоянии правовое положение дворцового крестьянства оставалось до правления Екатерины II. В рамках разработанной императрицей сословной политики вместе с упорядочиванием сословного статуса дворянства и городского населения предполагалось упорядочить статус и лично свободной части крестьянского сословия («свободных сельских обывателей»).

Дворцовые крестьяне оказались первым объектом реализации планов Екатерины II.

5 марта 1774 г. во исполнение ее именного был издан сенатский указ «Об устройстве Главной Дворцовой канцелярии с принадлежащими к ней местами» [7, с. 926-929]. Центральными были два вопроса: порядок взимания податей и суд дворцовых крестьян. Во-первых, уничтожались управители в дворцовых волостях, а в губерниях создавались подчиненные Дворцовой канцелярии Управительские конторы, «под присмотром которых» крестьяне «изберут себе в головы лучших из мира людей под именем старост и выборных». Эти должностные лица были обязаны собирать государственные подати и дворцовые оклады и «отвозить оные для отсылки в Канцелярию в свои Конторы».

Во-вторых, дела дворцовых крестьян с «посторонними владельцами» и уголовные дела изымались из ведения Главной Дворцовой канцелярии в пользу соответствующих государственных учреждений, оставались только дела между дворцовыми деревнями и крестьянами. Вводился новый порядок решения этих дел: Управительские конторы должны были «таковые внутренние между крестьян ссоры разбирать и решить удобно на месте», организуя разбор так, «дабы каждый со своей стороны выбирал по одному судье из крестьян, которые бы в присутствии головы или старости ссору их или спор решили на подобие третейского суда» [7, с. 926—927].

Следовательно, первая новизна закона заключалась в том, что мирское самоуправление дворцовых крестьян впервые получало официальное признание со стороны государства; узаконивалась обычно-правовая процедура выбора должностных лиц общины, хотя и под присмотром государственных чиновников из Управительской конторы. Поскольку, кроме сбора и доставки податей, другие обязанности выборных крестьянских лиц не оговаривались, то следует согласиться с В.И. Семевским, что «управление домашними делами крестьян осталось исключительно в руках их выборных властей» [3, с. 102]. Вторая новизна заключалась в передаче тяжебных дел между самими дворцовыми крестьянами на решение самих крестьян, но тоже под присмотром Управительской конторы.

По нашему мнению, указ 1774 г. оформил новые отношения закона и обычного права дворцовых крестьян. Избрание старост и других «выборных» полномочных представителей, оставаясь внутренним делом

общины, осуществлялось по принятой прежней обычно-правовой процедуре. «Третейский» суд крестьян, очевидно, свое решение принимал, также следуя принятым в данной общине нормам. Но выбор старост и создание третейского суда официально вводились законом, значит, здесь закон, по сути, санкционируя обычно-правовой порядок, вступал с обычным правом в непосредственное взаимодействие. Конечно, в таком взаимодействии активной стороной был закон, но, скорее всего, практика реализации выборов и проведения «третейских» судов могла оказать и обратное действие, побудить власть внести в закон какие-либо уточнения.

Вместе с тем определить, насколько перспективным было такое взаимодействие для обеих сторон, проблематично, так как вступление на престол Павла I привело к повороту политики в отношении дворцовых крестьян в иную сторону. Если законодательство Екатерины II Великой сближало правовое положение дворцовых крестьян с казенными крестьянами, то законодательство Павла I — с владельческими крестьянами.

Исторический поворот произошел в рамках актуальной для самого императора реформы внутренней организации правящей императорской фамилии, трактуемой как вся совокупность лиц, связанных с монархом семейными и родственными узами [8, с. 183—184].

Законодательным основанием реформы послужило «Учреждение об Императорской фамилии» (5 апреля 1797 г.) [9, с. 525—569]. В этот акт в целях упорядочивания материально-финансового обеспечения членов императорской фамилии были включены меры, регулировавшие положение дворцового хозяйства и дворцовых крестьян.

Дворцовые имения, согласно Учреждению, выделялись из состава государственных имений (ранее юридически они не разделялись) и получали статус удельных имений (соответственно крестьяне, в них проживавшие, из дворцовых становились удельными). Для управления ими создавалось новое государственное учреждение — Департамент уделов [9, с. 525—526].

Поскольку основой материально-финансового обеспечения членов императорской фамилии являлось удельное хозяйство, налоги и повинности удельных крестьян, то в Учреждении значительное место было отведено организации управления дворцовыми хозяйством и детализации правового статуса крестьянства.

Определение такого правового статуса отличалось двойственностью. «Имения, в уделы определенные, — устанавливалось в § 5 Отделения I «Учреждения об императорской фамилии», — выходя из класса имений государственных, хотя в число помещичьих не поступят, и название имеют удельных; но во всех случаях, где употребление помещичьих владений потребно, удельные наряду с ними употребляются, и одина-

ковым образом нижним и верхним судам подсудимы». В § 6 уточнялось, что «подушные деньги и всякие случиться могущие с помещичьих имений поборы или для государственных нужд общественные налоги, расположены быть должны и на удельные имения наравне с ними» [9, с. 526]. Обобщающий характер имел § 113, где указывалось, что удельные поселяне, «быв с одной стороны исключаемы из класса поселян государственных, а с другой в рассуждении общего государственного употребления сравниваемы с поселянами владельческими, повинны государственные подати и прочие чрезвычайные налоги выполнять на основании общих узаконений и в сборе их подсудны учрежденным правительствам» [9, с. 545]. Такое, хотя и недостаточно четко сформулированное, уподобление правового статуса удельных имений помещичьим имениям, а следовательно, и удельных крестьян — крестьянам крепостным, создавало основания для сближения этих двух разрядов.

В статьях Учреждения, регламентировавших деятельность вновь создаваемых местных органов удельной администрации (Экспедиций уделов, создававшихся при Казенных палатах — губернских отделениях Камер-коллегии, ведавшей финансами империи), обнаруживается, что в заботах о материально-финансовом благополучии императорской фамилии власть способна была проявить pragmatism.

«Хозяйственные же все сборы с поселян удельных, — указывалось в § 114, — принадлежат ведомству Департамента уделов, следственно имеет Департамент сбирать оные чрез посредство подчиненных ему Экспедиций уделов». Для обеспечения этих сборов устанавливались размеры земельных участков удельных крестьян (не менее трех десятин пашни). Экспедиции должны были установить общий размер требуемой для раздачи земли для каждого селения, но о «приеме ее лично по тяглам никакого поселянам принуждения не чинить», так как «сколько каждый возьмет, сие уже есть собственная каждого воля». После назначения размеров податей со всей земли, отведенной каждому селению, Экспедиции обязывались разослать «в каждое селение билеты, сколько по числу земли платить должно» (§ 117) [9, с. 545–546].

В каждом селении, как правило, имелась своя община, поэтому представляется очевидным, что распределение земли и сбор земельного налога с участка осуществлялись обычно-правовым общинным порядком, за Экспедициями оставался же общий надзор.

Более определенно узаконение относительной самостоятельности мирского самоуправления содержалось в двух других параграфах Учреждения.

В § 168 устанавливалось, что «всякое разбирательство внутреннего сельского дела, выбор начальников, поставка рекрут, и подобное оному от управления и распоряжения сих Экспедиций должно быть чуждо: и

для того всякое участие до внутренности тех сельских дел Экспедициям удельным сим наистройайше запрещается». В § 169 повторялось, что Экспедициям следует оставить «управление внутренних сельских дел на собственные мирские разборы» [9, с. 559].

Конечно, обычное право нигде в Учреждении не упоминалось, но «по умолчанию» власть этими своими установлениями признавала, что такие «разборы» будут вестись по крестьянскому обычному праву.

Сделав вынужденные по материально-финансовым причинам уступки самостоятельности мирского самоуправления во «внутренних сельских делах», власть тут же совершила решительный шаг по фактическому превращению органов местного самоуправления в звено местной удельной администрации в Отделении VIII с «говорящим» названием: «Порядок сельского внутреннего Правления» [9, с. 562–569]. В нем содержалась подробнейшим образом расписанная (в 33-х параграфах) регламентация деятельности крестьянских выборных органов под постоянным контролем Экспедиции уделов.

К важнейшим из них, по нашему мнению, относились следующие: соединение удельных селений «во всяком уезде в Приказы» и учреждение «во всяком таковом Приказе приказного выборного, по одному казенному и по одному приказному старосте, и также по одному писарю, по общему чрез 3 года выбору» (§ 177). Аналогичным образом административно учреждались должности сельских и деревенских выборных и десятских. Сам принцип выборности сохранялся, но выборы должны были происходить в присутствии члена Экспедиции уделов, и их результаты утверждались Экспедицией уделов (§ 179) [9, с. 562].

«Порядок сельского внутреннего Правления» предусматривал еще ряд мер административного подчинения выборных должностных лиц. Например, это прямо вытекало из подробного перечисления их обязанностей, среди которых особо выделялись: «все окладные и неокладные подати и сборы в свое время с поселян взыскивать и собирать» (§ 181); в маловажных ссорах и исках между удельными поселянами «расправу чинить и примирять» (§ 182). С наибольшей определенностью реальный административно-правовой статус общинного самоуправления был обозначен в § 184: «Все приказные, выборные и прочие чины в отправлении их должностей подчиняются Удельной экспедиции, при палате учрежденной, которая по усмотрению за кем неисправности или упущения, того от должности отрешает и в пример другим отсылает в работные дома», а в более тяжелых случаях — в суд [9, с. 562–563].

Более того, самостоятельность мирских органов впервые столь явно ограничивалась и в решении собственно внутриобщинных вопросов. Так, без санкции Экспедиции не могли осуществляться семейные раз-

делы (традиционно регулировавшиеся мирским приговором) (§ 193); вводилась обязательность участия жителей в мирском сходе под угрозой штрафа за уклонение в 50 коп. (§ 195); запрещалось отлучаться из селения без дозволения сельского Приказа и получения паспорта от Экспедиции (§ 207) [9, с. 565, 568].

Следовательно, всеми важнейшими утвердившимися в законодательстве положениями существенно ограничивалась самостоятельность мирских органов; выборные лица фактически превращались в административно-управленческое звено Экспедиции уделов.

Произошедшие изменения трансформировали прежнюю связь закона и обычного права. Позитивное право как бы «поглощало» публично-правовую часть обычного крестьянского права, регулировавшую организацию деятельности мирского самоуправления и порядок его работы; следовательно, происходило уже не ограничение, а разрушение прежней относительной автономности обычного права.

Новое отношение закона к обычному праву, основанное на подчинении, окончательное законодательное выражение нашло в утвержденном Александром I «Положении Департамента уделов» (15 мая 1808 г.) [10, с. 226–256].

В рамках бюрократического преобразования органов управления удельным хозяйством и удельными крестьянами (Департамент уделов был преобразован в Министерство уделов, Экспедиции уделов — в Удельные конторы, подчиненные Министерству и отделенные от Казенных палат и независимые от всех губернских органов власти) прежние сельские Приказы, формально относившиеся к выборным органам крестьянского самоуправления, были непосредственно подчинены Удельным конторам. Соответствующее положение прямо указывало: «В ведение Конторы поручаются Приказы, в селениях учрежденные; каждым управляют Голова и два Заседателя из крестьян. Назначение их делается по выбору мирскому и с утверждением головы от Департамента, а в заседатели от Конторы». Ведению Приказов далее подчинились сельские старосты и десятские в каждом из селений [10, с. 7, 230–231, 239].

В данном случае принципиально важен был новый порядок выборов, предоставлявший чиновникам удельных администраций возможность обеспечить нахождение на выборных должностях выгодных им лиц и, главное, противоречивший обычно-правовому порядку таких выборов. Выборы приобретали непрямой характер, так как осуществлялись в два этапа через выборщиков: два делегата от каждого ста человек. Более того, управляющий Удельной конторой из участников второго этапа сам назначал «к выбору из них нескольких и не менее 10 человек старшин и лучших людей, имеющих качества, головы приличные». После про-

ведения голосования с помощью шаров по каждому из названных лиц Управляющий должен был представить Департаменту список баллотировавшихся со своими пояснениями, и «Департамент по рассмотрению сего списка одного из них на звание головы утверждает на бессрочное время и о том предписывает Удельной конторе». Заседатели (казенный и приказной старосты) избирались тем же порядком раз в три года и утверждались Управляющим по большинству голосов. Голова и заседатели получали жалованье из мирских средств, но их размер устанавливался законом (250 и 120 руб. в год соответственно) [10, с. 239–240].

Писарь, часто являвшийся на практике единственным грамотным человеком в Приказе, не выбирался, а назначался лично управляющим Конторой и, получая высокое жалование (200 руб.) из мирских денег, состоял в штате Департамента на действительной службе, то есть официально становился чиновником в удельном ведомстве. Хотя ежегодная отчетность выборных лиц перед миром сохранялась, но, во-первых, вынесенный на собрании общественный приговор утверждался Управляющим; во-вторых, Управляющий получал право в любое время отрешать голову и заседателей от должностей «за нетрезвую жизнь и дурное поведение», а за лихоимство и нанесение вреда интересам Департамента передавать дело в уголовный суд [10, с. 241].

Следовательно, выборы органов общинного самоуправления по буквe и смыслу Положения Департамента уделов свою обычно-правовую нормативность утрачивали и превращались в предмет регулирования со стороны государственного права. Публичная часть обычного крестьянского права полностью заменялась законом, а это окончательно разрушало целостность юридического действия, присущую обычному праву на протяжении периода существования Московского государства и эпохи Просвещения — бульшой части XVIII в.

В результате, как признавали даже авторы официальной «Истории уделов», в Положении 1808 г. «нельзя не видеть, что черты собственно самоуправления в значительной мере затерялись в новом порядке, давшим приказных старшин похожими более на чиновников, нежели на выборных властей». Приказной писарь превратился в чиновника, а голова и заседатели являлись теперь не столько избранниками крестьянского мира, сколько назначенцами управляющего Удельной конторы [2, с. 448]. В оценке современных исследователей, Положение Департамента уделов резко расширило «объем прав удельной администрации в сфере управления, суда и наказания крестьян при одновременном ограничении прав последних» [4, с. 136].

Тем не менее некоторое поле относительной самостоятельности по отношению к закону обычное право все же сохранило. В Положении

предусматривалось, что «внутреннее расположение сборов с крестьян, как на исправление общественных повинностей, так и на мирские надобности предоставается собственно крестьянским обществам и определяется их приговорами» [10, с. 231].

Конечно, и здесь государственная власть не упустила случая ограничить роль обычного права. Например, Управляющий конторой получил право изменять размеры принятых мирским сходом сборов на исправление мирских повинностей, сочтя их «излишеством» [10, с. 252], предписывать миру вынесение «общественного приговора» об отдаче в рекруты или отсылке на поселение крестьян, «неблагонадежных» к уплате оброка по причине «дурного поведения» [10, с. 244].

Но, как часто случалось в России, одно дело — закон, другое — его правоприменение. Чиновники понимали, что экономическое благополучие членов императорской фамилии зависит от бесперебойности работы общинного хозяйственного механизма, основывавшегося на традиционном обычном праве.

В.П. Воронцов, подробно изучивший реальное хозяйственное функционирование удельно-крестьянских общин, пришел к выводу, что, как правило, на практике «разверстка земли и платежей между отдельными домохозяевами производилась без ведома не только удельной конторы, но и более мелкой административной единицы — приказа». Даже в 1820—1830-е годы сельские общины на уровне отдельных селений, составлявших волость, были вполне самостоятельны в раскладке податей и земли, в земельном распределении и перераспределении [11, с. 74—75, 58—59].

Однако следует признать, что Положение 1808 г. (вместе с соответствующими статьями Учреждения 1797 г.) сыграло роль основного законодательного акта, регламентировавшего статус удельного крестьянства и его органов самоуправления на протяжении всей первой половины XIX в. (до 1863 г.). Эта регламентація подчиняла и общинный механизм, и обычное право государственной администрации и закону.

Определяющая роль данного законодательства подтверждается тем, что включенные в различные тома и разделы Свода законов Российской империи всех трех его редакций (1832, 1842 и 1857 гг.) статьи, касавшиеся удельных крестьян, за редким исключением воспроизводили без каких-либо изменений соответствующие статьи Положения 1808 г. или Учреждения 1797 г.

Подводя итог проведенному анализу отношений закона и обычного права дворцовых (удельных) крестьян, можно сделать общий вывод, характеризующий сущность статуса дворцового крестьянства: развитие этих отношений определялось общей стратегической направленностью политики Российской империи в отношении удельного крестьянства

на административное подчинение органов крестьянского самоуправления, превращение их в часть административного управления, регулируемого позитивным правом.

Закономерным следствием реализации политики ограничений явилась утрата обычным правом относительной автономности, которой оно обладало в условиях дворцового хозяйства московской эпохи. В результате в середине XIX в. закон регулировал не только деятельность выборных должностных лиц крестьянской общины (через определение их обязанностей и административный контроль выполнения), но и порядок работы сельского (мирского) схода — основополагающего элемента общинной организации. Следовательно, публично-правовая составляющая обычного права в общинах удельных крестьян была заменена законом, тот же закон свел сферу действия обычного права исключительно к регулированию гражданско-правовых отношений между членами общины. Реформирование правового статуса удельных крестьян, проведенное в 1863 г., принципиально это положение не изменило.

Библиографический список

1. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1832 г.: в 15 т. СПб., 1832. Т. 9: Законы о Состояниях.
2. История уделов за столетие их существования, 1797–1897: в 3 т. СПб., 1901. Т. 2.
3. Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II: в 2 т. СПб., 1901. Т. 2.
4. Дунаева Н.В. Между сословной и гражданской свободой: эволюция правосубъектности свободных сельских обывателей Российской империи в XIX в. СПб., 2010.
5. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. СПб., 1830. Т. 7.
6. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. СПб., 1830. Т. 8.
7. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. СПб., 1830. Т. 19.
8. Градовский А.Д. Начала русского государственного права: в 3 т. СПб., 1875. Т. 1.
9. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. СПб., 1830. Т. 24.
10. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. СПб., 1830. Т. 30.
11. Воронцов В.П. К истории общины в России (Материалы по истории общинного землевладения). М., 1902.